

РЕЦЕНЗИИ

УТОПИЯ РИТОРИКИ

(Риторика: Методология и практика: Сборник программ / Отв. ред. и сост. М. И. Панов и Л.Е. Тумина. – Москва: МГПУ; Ярославль: «Ремдер», 2003. – 724 с.)

Демократические реформы в нашей стране коснулись института образования в целом и филологического образования в частности. Ими была порождена потребность в устной публичной речи и, как следствие, вызван спрос на преподавание риторики. После длительного перерыва введение риторики в школьные и вузовские учебные планы выразилось в известном риторическом буме – стало издаваться множество учебных пособий, словарей, программ. Хотя становление риторики как учебной дисциплины еще не завершилось, можно констатировать, что ею пройден важный этап развития: риторика определилась со своим предметом, методами и приемами. Об этом красноречиво свидетельствует сборник программ «Риторика: Методология и практика». Тематика курсов, представленных в нем, широка и разнообразна. Это программы по общей риторике В.И. Аннушкина и Л.Е. Туминой – М.И. Панова, педагогической риторике Н. А. Ипполитовой, программа по риторике для школы Т.А. Ладыженской и по методике преподавания риторики в школе Т.А. и Н.В. Ладыженских. Есть здесь программы спецкурсов по деловому общению и речевому этикету. В особые разделы выделены занимающие около половины издания обстоятельные программы исторических курсов – по русской риторике, зарубежной риторике, ораторскому искусству в Древней Греции и Древнем Риме. Для большей полноты, может быть, не хватает программ по гомилетике, юридическому, военному и дипломатическому красноречию. Однако пробел легко может быть восполнен информацией, помещенной в исторических разделах, и обширными списками литературы. Материалов сборника будет достаточно каждому, кто преподает риторику в школе или вузе. Книга представляет собой довольно универсальное издание. Его авторы – ведущие специалисты в данной области. Сборник рекомендован в качестве учебного пособия и имеет гриф УМО. Перечисленное заставляет воспринимать и оценивать книгу как своеобразный манифест, дающий некоторое стандартизированное представление о том, чем является риторика как учебная дисциплина на настоящий момент. Именно на дисциплинарном значении данной книги и о тех мыслительных предпосылках, которые лежат в ее основе, хотелось бы поговорить.

С точки зрения авторов сборника объект изучения риторики можно было бы представить в образе стихии человеческой речи. Прежде всего в ведении риторики находится устная публичная речь, но не только она. Кто-то пытается солгать, и ему не верят, кто-то, наоборот, становится жертвой злого обмана; кто-то обижен или унижен, а кто-то пытается навязать свою волю другому; кто-то, долго и искренне любя, не может решиться открыть свои чувства. Эти и подобные им коммуникативные ситуации могут быть проанализированы риторически в рамках жанрового подхода (на основе категории жанра строится программа школьного курса риторики Т.А. Ладыженской). Риторика должна синтезировать данные смежных дисциплин и стать универсальным знанием о человеческом общении (см. программы Л.Е. Туминой и М.И. Панова «Риторика уважения» и «Деловое общение», где есть «психологические», «культурологические», «социологические» и даже «гендерные» разделы и темы). Однако действительно ли существуют некие универсальные закономерности, выявление которых обеспечивает полное и всестороннее описание речевого взаимодействия?

Вопрос о существовании универсальных закономерностей общения связан с проблемой соотношения теоретического и практического в риторике. Риторика занимается моделированием речевой коммуникации, типологией разновидностей речи, стилей общения, речевых жанров. На основе полученных данных формулируются правила и принципы общения, вырабатываются практические рекомендации: «Обязательным условием востребованности риторического знания является его прикладной характер. Теоретические положения риторики всегда направлены на практическое применение, на решение реальных задач, связанных с жизнедеятельностью человека», – говорится в программе курса «Педагогическая риторика» (с. 111).

Известно, что всякая модель идеализирует объект. В идеализации скрыта возможность уничтожения какой-либо релевантной, существенной связи между моделью и объектом. Применительно к риторике опасность идеализации особенно актуальна, ибо риторика на основе идеализации дает практические советы. Предписания риторики, с одной стороны, должны быть конкретными, для того чтобы быть эффективными в ситуации, из которой они были вы-

ведены, с другой стороны, они должны распространяться на ряд сходных ситуаций, быть достаточно общими.

Не всегда дело обстоит так, как хотелось бы. Возьмем в качестве примера жанр переговоров. В программе курса «Риторика делового общения» приводится следующая типология жанра (которая, по-видимому, является фрагментом типологии переговоров, представленной в пособии Л.А. Введенской и Л.Г Павловой «Риторика для юристов»): «1) переговоры, направленные на достижение существующих соглашений, продление достигнутых ранее договоренностей; 2) переговоры с целью достижения соглашения, перераспределяющего достигнутые ранее договоренности; 3) переговоры по выработке нового соглашения; 4) переговоры с целью достижения нормализации отношений, то есть переговоры с целью перехода от конфронтации и конфликта к сотрудничеству (государственные, политические, экономические, социальные); 5) переговоры, ориентированные на получение косвенных, неформальных результатов (установление контактов, выявление точек зрения оппонентов, оказание внимания на общественное мнение)» (с. 654). За ней следует характеристика когнитивного подхода к ведению переговоров и практические рекомендации. Предполагается, что переговоры есть нечто себе тождественное, а потому для данных коммуникативных ситуаций всегда справедливы некоторые общие правила. В реальности же переговоры могут не только не соответствовать подобной классификации (конечно, существуют классификации более детальные), но и настолько различаться между собой, что все черты сходства между ними становятся несущественными, так что получается столько типов, сколько прецедентов. Переговоры о покупке килограмма моркови и переговоры о том, чтобы заложить килограммовый слиток золота в ломбард, имеют, разумеется, нечто общее (в обоих случаях речь идет о килограмме), но на основании анализа общего трудно дать рекомендации, имеющие смысл для обеих ситуаций. Намного важнее здесь различие, которое может состоять, например, в несовпадении экономических интересов участников той и другой ситуации. Помимо константных «субъект», «адресат», «сообщение», «код», возникает необходимость ввести в анализ дополнительные переменные «экономический интерес», «социальный статус». Но и в таком случае рекомендации риторики будут очень приблизительными, ибо ничего не известно о личностных особенностях собеседников, о том, как они сами воспринимают коммуникативное событие, участниками которого являются. Таким образом, риторическое знание носит вероятностный характер.

Аналогичных примеров, говорящих о бесполезности обобщения некоторой суммы речевых произведений в понятие жанра, существует множество. Море человеческой речи необъятно, каждое речевое событие уникально, а потому задача всестороннего изучения речевой коммуникации, картографирования подводного рельефа речи может показаться неосуществимой, ибо исследовать общение - все равно что исследовать «жизнь» (вспомним, что, по словам Михаила Бахтина, «язык, слово – это почти все в человеческой жизни»), то есть изучать все и в то же время ничего.

Не вызывает удивления поэтому тот факт, что в программах по риторике, как и в большинстве современных учебников, рисуется идилическая, лишенная реальных противоречий картина речевого взаимодействия, разворачивающегося преимущественно во внесоциальном пространстве и времени. Неверно утверждать, что анализ речевой коммуникации, практикуемый современной риторикой, несовершенен. Авторы обычно считают нужным сказать о том, что такое «социальный статус», «социальная роль» т. п., но введение данных переменных производится преимущественно в чисто теоретических разделах или в разделах, посвященных речевому этикету, когда же речь заходит, скажем, об «изобретении», «расположении», «пронесении», о них забывается.

Но если даже подобные переменные задействовать в анализе (рассмотреть, допустим, социологию и экономику аргументации), то ключевой вопрос о практической полезности теории будет переформулирован в вопрос о полезности анализа. Способен ли риторический анализ вывести знание, которым не обладает субъект. Применительно к владению языком на эту проблему обратил внимание Эдвард Сепир: носитель языка знает грамматику данного языка, но не может объяснить свое знание и сформулировать грамматические правила, что не отменяет наличия у него способности пользоваться языком. Аналогичную ситуацию наблюдаем в бессознательном владении правилами и нормами речевого поведения. При сопоставлении тех коммуникативных знаний и умений, которые формируются исключительно в опыте общения, то есть без участия теории, с теми знаниями и умениями, которые формируются в ходе теоретического и аналитического поиска, можно обнаружить, что доля последних невелика. Даже не владеющий языком младенец знает, как следует манипулировать родителями, однако он не имеет никакого представления о существовании особых манипулятивных приемов.

Правда, изучение риторики предполагает выполнение заданий, призванных сформировать и закрепить те или иные умения и навыки (см.

программы Т. А. Ладыженской для средней школы, а также серию учебных пособий, вышедших под редакцией этого автора). Но действенность риторических заданий вряд ли может быть распространена дальше техники речи. Готовится речь в отсутствии слушающего, произносится в присутствии, и различие здесь очень велико. В отсутствии можно прекрасно произносить десятки самых сложных скороговорок, в присутствии же начать заговариваться, спотыкаться в самых нелепых местах, нарушать самые очевидные языковые нормы. Сталкиваясь с реальными трудностями приходится в практике и в практике же их приходится преодолевать. Известно, что можно превосходно владеть теорией, но быть посредственным оратором, и наоборот: можно прекрасно уметь воздействовать на аудиторию, но не обладать решительно никакими теоретическими знаниями.

Вопрос о практической значимости риторической теории и риторического анализа имеет и другое измерение, связанное с границами риторического анализа. Последовательно проведенный анализ высказывания нередко приводит к выводу о том, что высказывание, претендующее, может быть, на статус истинного, оказывается не более чем языковой игрой (сошлемся здесь хотя бы на знаменитые защитительные речи Ф. Н. Плевако). Очевидно, что подобный вывод может вступить в противоречие с правилами этоса, а потому он будет, упреждая собственный тупик, накладывать на анализ дисциплинарные ограничения.

Итак, приходится признать, что притязания риторики на статус универсальной науки о речевом взаимодействии, имеющей практическое значение, не совсем обоснованы, точнее, заведомо не осуществимы. И в то же время данный тезис не отменяет реальной практической необходимости риторического знания. Дело в том, что риторику среди других гуманитарных дисциплин отличает телеологический подход к явлениям речи. Предмет изучения риторики определяется современными авторами обычно как «эффективная» (Т.А. Ладыженская, И.А. Стернин), «совершенная» (И.В. Аннушкин), «целесообразная» (Е.Н. Зарецкая), «целесообразная, воздействующая, гармонизирующая» (А.К. Михальская, Н.А. Ипполитова) и тому подобная речь. Любая осознанная деятельность всегда телеологична, но в риторике телеологический элемент возведен в принцип.

Иными словами, риторика изначально утопична. Объект изучения риторики – реальная речевая практика, рассматриваемая с точки зрения утопии конструктивного речевого взаимодействия, участниками которого являются два индивида, безошибочно понимающие интенции и желания друг друга. Поэтому на анализ в ри-

торике накладываются определенные ограничения, поэтому из оборота анализа как бы непроизвольно исключаются разного рода переменные (не только социальные, но и экзистенциальные, например, понятия времени, конечности, отчуждения), уничтожающие общее и умножающие различия, поэтому в риторике востребованными оказываются понятия «риторического идеала» (А.К. Михальская) и «педагогического речевого идеала» (Н.А. Ипполитова).

Риторика осуществляет определенный отбор знания, в том числе и исторического, который подчинен все той же утопии идеального речевого взаимодействия. Так, программы М.И. Панова и Л.И. Туминой сопровождаются вопросами, следующими после каждого раздела или темы. Наиболее распространенный вопрос строится так: «Оцените с точки зрения реалий нашего времени высказывание N, который сказал: ...». Такие вопросы ориентируют не столько на размышление об историчности высказывания, сколько побуждают рассуждать, ни к чему себя не обязывая, об «актуальности» чьего-либо мнения, то есть его справедливости / несправедливости относительно той картины риторики, какую мы себе представляем. Уже говорилось о том, что сборник содержит развернутые программы исторических курсов. Но почему в программе курса «Ораторское искусство в Древней Греции» не упоминается логико-риторическое учение стоиков? Скорее всего потому, что Цицерон сказал: «Всем этим видом речи Зенон и его ученики или не могли заниматься, или не захотели, и попросту оставили его в небрежении. Хотя Клеанф и написал книгу об искусстве риторики, да и Хрисипп тоже, – но читать ее следовало бы лишь тому, кто захотел бы потерять дар речи». В более широком смысле селекция риторики проявляется и в том, что нелегко представить себе пособия, имеющие абсолютно серьезные, лишенные отрицательных оценочных ассоциаций названия «Искусство лицемерия», «Мастерство публичного обмана», – и не потому, что содержание подобных пособий не соответствовало бы реальности, но по той причине, что оно не могло бы совпасть с речевой утопией риторики.

Из сказанного вовсе не следует, будто изучать риторику – пустая трата времени. Напротив, изучение риторики представляется очень важным. Требование необходимости риторики в вузе и особенно школе основывается на нравственном смысле риторической дисциплины. Риторический утопический конструкт служит мерой отношения к речевой действительности, условием критической оценки реальности общения. Сегодня в школах сокращается количество часов, отводимых литературе. Молодежь не читает Льва Толстого. Многие говорят о катастро-

фических последствиях пренебрежительного отношения к литературе, которые произойдут в сфере общественной морали. Но никто не обращает должного внимания на то, что параллельно происходит увеличение количества часов, предназначенных для риторики и культуры речи. Между тем, широкое распространение риторики должно в какой-то мере компенсировать забве-

ние литературной классики. Поэтому ценность и актуальность фундаментальной книги «Риторика: Методология и практика» именно как напоминания о нравственном потенциале риторической дисциплины невозможно переоценить.

*Гончаренко И.Г.,
ассистент кафедры современной русской
литературы УрГПУ.*